

ШОКИРУЮЩАЯ
ИСТОРИЯ

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ИСТОРИЯ КАННИ- БАЛИЗ- МА

И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ЖЕРТВО-
ПРИНОШЕНИЙ

Шокирующая история

Лев Каневский

**История каннибализма и
человеческих жертвоприношений**

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 63.3

Каневский Л. Д.

История каннибализма и человеческих жертвоприношений /
Л. Д. Каневский — «Алисторус», 2014 — (Шокирующая история)

ISBN 978-5-4438-0664-8

В 1564 г. турки одержали верх над польским военачальником Вишневецким. Они вырвали из его груди сердце и съели его. В XVI веке во многих европейских странах палачи получали право распоряжаться не только кровью, но частями тела своих жертв и употреблять их по своему усмотрению. Даже в XIX веке китайский палач вполне мог съесть сердце или мозги своей жертвы. Каковы же причины каннибализма, почему он, как правило, связан с религиозными человеческими жертвоприношениями? Какова суть этого тщательно разработанного ритуала, бытовавшего во многих странах мира, — от обеих Америк, Африки и Индии до Индонезии, Малайзии, Полинезии, Новой Гвинеи, Австралии и островов Океании? Почему в наши дни даже в цивилизованных странах отмечаются отдельные случаи каннибализма? Ответы на эти и многие другие вопросы, которые до сих пор считались необъяснимой тайной, вы найдете в этой увлекательной книге.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0664-8

© Каневский Л. Д., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

Вступление	5
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лев Каневский

История каннибализма и человеческих жертвоприношений

Вступление

Читатели могут спросить меня: какую цель я преследовал, когда писал книгу на такую тему, как каннибализм? Ответ на этот вопрос, однако, довольно прост – слишком мало научных исследований на европейских языках посвящено этому. На свои запросы в Королевский антропологический институт Великобритании и Северной Ирландии я получил такой исчерпывающий ответ: «Нам ничего не известно о существовании вразумительной научной работы по проблеме каннибализма. Материалы на эту тему, к сожалению, разбросаны по многим книгам и периодическим изданиям». На мои просьбы об оказании помощи от Британского музея пришел такой ответ: на полках этой уникальной библиотеки с книжным фондом более 8 000 000 томов, которые, если поместить их один за другим, покроют расстояние в восемьдесят миль, нет ни одной работы, посвященной такой обширной области антропологии, как каннибализм и человеческие жертвоприношения. В этом отношении отличились только немцы, но переводов этих книг на английский язык мне обнаружить не удалось. Поэтому в конечном итоге я решил заполнить этот зияющий пробел.

По своей природе человек – животное плотоядное. Он ест мясо. Либо в силу врожденного инстинкта, установившейся традиции, либо в силу собственного выбора около трех миллиардов населения Земли – мясоеды. В какой-то мере это не может не вызывать удивления – ведь в любой временной период потребление мяса значительно уступает общему объему потребления растительной пищи – овощей, корнеьев, трав и т. д. Более того, совсем немногие овощи являются несъедобными как для человека, так и для животных.

На Земле едва ли найдутся виды живых существ, которых бы не попробовал человек. Можно даже сделать некий кулинарный экскурс. Мы поедаем бифштексы, бараньи отбивные, телячьи мозги, коровьи языки, бекон и ветчину, не говоря уже о многочисленных деликатесах из мяса диких животных – кенгуру, обезьяны и медведя. Как писал Редьярд Киплинг в своем «Благородном и щедром ките», человек ест все: «Морских звезд и морских щук, камбалу, ската и его родню, скумбрию и извивающегося угря». Не избежал этого и сам кит – китовое мясо употребляют во всем мире, не говоря уже о дарах моря – многочисленных головоногих и моллюсках, которым от роду более 200 миллионов лет, чего, скорее всего, не знает рядовой потребитель.

Можно по пальцам перечесть тех птиц, которые не попались в силки или не были убиты из ружья, сварены и съедены, – от страуса эму до жаворонка и канарейки. На самом деле страсть человека к плоти, к мясу настолько неудержима, что он исследовал возможности употребления куда меньших по размерам существ и обнаружил, что попал на такую территорию, население которой по своему разнообразию многократно превосходит все его потребности.

Хорошо известно, что Иоанн Креститель выжил в безводной пустыне, питаясь исключительно саранчой и медом диких пчел. Он, однако, не был в этом первопроходцем – задолго до него миллионы людей на протяжении многих веков считали саранчу вполне пригодной в пищу, некоторые даже причисляли ее к изысканным деликатесам. Сто лет назад у королевы Мадагаскара Раваналоны был даже особый отряд слуг, которые ловили на полях саранчу, чтобы монаршая особа с высокими гостями в своем королевском дворце в Тананариве могла наслаждаться этим экзотическим яством. За три тысячи лет до этого царь Ассурбанипал в Ниневии

угощал своих сотрапезников саранчой, зажаренной на палочках, и те с удовольствием поедали ее, как мы сегодня едим сосиски гриль или приготовленный на углях шашлык.

Для подавляющего большинства людей, живущих в странах, где водится саранча, она составляет значительную часть их повседневного рациона. В Танганьике, например, у саранчи удаляют крылышки и ножки, а тельце жарят на сковородке или варят в масле. Кроме того, из сушеной саранчи готовят аппетитную кашу. В Северной Африке более эрудированные гурманы смешивают саранчу с мускатным орехом, добавляют соль и перец и из этой смеси варят суп. По вкусу жареную саранчу часто сравнивают с креветками, вареным яичным желтком, лесным орехом, мясом раков и даже черной икрой!

Но не только одну саранчу обнаружил человек на этой новой, малоизученной пока, обширной территории. В Конго жареные термиты продаются корзинами. Один известный английский дипломат, отведав жаренных в масле термитов, заявил, что ничего более восхитительного не едал. Другой сообщил, что местные жители сушат термитов, считающихся деликатесом, в железных горшочках, в которых жарят зерна кофе.

Муравьи тоже широко ценятся среди знатоков изысканной пищи, особенно так называемые «сахарные муравьи», распространенные в Центральной Австралии. Муравьи выбирают из своего числа только нескольких собратьев, которых все насильственно принимаются кормить, пока у тех не распухает брюшко, достигая размеров ягоды крыжовника. В их желудочке в основном находятся выжимки из различных растений, росяной мед некоторых растений. Когда австралийцы находят этих «избранников», они тут же хватают их пальцами за голову и высасывают содержимое желудочка досуха. Если поинтересоваться, что они при этом испытывают, то вам ответят: вкус резко контрастный – вначале это что-то вроде муравьиной кислоты, а потом, когда лопается мембрана, рот наполняется сладчайшим нежным медом.

В таких странах, как Индонезия, Малайзия, Мадагаскар и Конго, замечательным деликатесом считается пальмовый червь, который обитает в мягкой сердцевине пальмового дерева, и, по словам одного французского гурмана, «его по вкусу можно сравнить с куском жира каплуна, завернутым в нежную, прозрачную кожицу». Пальмовых червей в 2,5 см толщиной и длиной 5 см обычно готовят на слабом огне. Как следует разогрев, их посыпают хлебными крошками, перцем, молотым мускатным орехом, а перед употреблением непременно поливают апельсиновым или лимонным соком. Некоторые гурманы предпочитают есть их сырыми, а другие – зажаренными в масле.

К саранче, термитам, муравьям и пальмовым червям следует добавить гусениц и пауков, стрекоз, жуков и бабочек. Все они – лишь небольшая часть огромного класса насекомых, пищевые ресурсы которого неисчерпаемы. В этот список можно внести растительную тлю и личинки ос. Один из специалистов около ста лет назад привел довольно интересное меню, которое хозяин составил для своего дорогого гостя, решив угостить его необычным деликатесом. Оно включало соус из лесных вшей, жареную камбалу, соус из жуков-щелкунов с бараниной, хрущей под соусом из куркумового корня, цветную капусту с гусеницами, а также моль к вину. Теперь это не назовешь экзотикой – жареных ос, например, регулярно подают к столу на обед в самых фешенебельных нью-йоркских ресторанах!

Но одно из блюд входило в совершенно иную категорию, и о нем мы до сих пор не упоминали. Но и его также следует включить в список, чтобы завершить любопытный каталог разнообразных мясных яств: речь идет о человеческой плоти.

Существует великое множество свидетельств того, что в самую далекую эпоху доисторический человек поедал мясо своих соплеменников. В 1927 году в китайской деревне Чукутен, в сорока километрах от Пекина, был найден зуб, и анатом Дэвидсон Блэк установил, что он принадлежал человеческому существу, близкому родственнику *Pithecanthropus erectus*. До этого один голландский ученый обнаружил на Яве человека-обезьяну. В результате проведенных

позднее раскопок были найдены кости и черепа около сорока современников *Pithecanthropus rekiensis* Блэка вместе с образцами их оружия и инструментов.

Обгоревшие кости в очагах давали представление о методах приготовления пищи примитивным человеком. Некоторые из черепов были весьма странным образом вскрыты, из них был извлечен мозг, который был, по-видимому, съеден. Если этот первобытный пекинский человек был каннибалом, чему немало свидетельств, то его можно назвать просто гурманом. Но ведь и пекинский человек, и человек-обезьяна с острова Ява жили почти 500 000 лет назад!

Неандерталец, живший в Центральной Европе около 220 000 лет назад, несомненно, был людоедом. Свидетельства раннего каннибализма можно обнаружить в пещерах и скалистых расщелинах французской провинции Дордонь, особенно в пещере Ле Мустье, давшей название так называемой мустьерской культуре, а также на древней стоянке первобытных людей в Хорватии в местечке Крапина. Человек-кроманьонец (от названия грота в Кро-Маньон во Франции), живший 75 000 лет назад, которого впервые ученые называли «хомо сапиенс», иногда тоже лакомился мясом своих соплеменников, если судить по свидетельствам, обнаруженным в пещере Ориньяк возле Тулузы, откуда и происходит термин «ориньякская культура».

Человек эпохи мезолита и неолита, исторического периода от 10 000 до 2000 года до н. э., также придерживался традиции своих предков. Об этом говорят кости и черепа, обнаруженные в Швейцарии и других странах. Позже, на закате бронзового века, когда человек впервые приступил к обработке металла, он тоже время от времени поедая человеческую плоть. Доказательства этому можно найти в Австрии и других европейских странах.

Греческий историк Геродот, живший в V веке до н. э., в своих сочинениях описывал людоедскую практику среди обитателей острова Исса у побережья Далмации и у племен скифов-массагетов, включающую преднамеренное убийство стариков своего племени с целью употребления их мяса в пищу. Другой греческий историк, Страбон (64–63 г. до н. э. – 23–24 г. н. э.), за несколько лет до рождения Христа без всяких колебаний заявлял, что употребление в пищу человеческой плоти было весьма распространенным явлением в Ирландии, а святой Иероним четыре столетия спустя сообщал в своих трудах о существовании подобной практики в Шотландии, где разбойники, промышлявшие на границе, еще и пили кровь побежденных врагов. Во время войны между испанцами и арабами в IX веке испанки, разрезав на части, съели арабского вождя Саувара за то, что он уничтожил всех их мужчин. В конце XIII века семнадцатилетний юноша по имени Марко Поло (1254–1324 гг.) отправился из родной Венеции в далекое путешествие, которое продолжалось целых двадцать четыре года. Он посетил Дальний Восток и, в частности, Китай. Поло и вслед за ним другие путешественники подтвердили, что действительно во многих китайских и тибетских племенах люди поедали мясо своих соплеменников.

В 1564 году турки одержали верх над польским военачальником Вишневецким. Они вырвали у него из груди сердце и съели его. В XVI веке во многих европейских странах палачи получали право распоряжаться не только кровью, но и частями тела своих жертв и употреблять их по своему усмотрению. Богемское племя «зингаров», по словам его вождя, сохранило традицию поедать человеческое мясо даже в XVIII веке, причем особыми деликатесами считались сырые или зажаренные уши, ладони рук, подошвы и икры ног и щеки. Вождь получал особую привилегию – он отрубал своим пленникам голову и пил еще теплую кровь, струящуюся из вен и артерий. Даже в XIX веке китайский палач вполне мог съесть сердце или мозги своей жертвы.

Все эти сведения, конечно, получены большей частью из сочинений древних историков, от путешественников, которые привозили с собой из дальних стран эти диковинные рассказы, от солдат, которым пришлось воевать на чужбине. К ним можно добавить случаи поедания человеческой плоти из-за сильного голода в осажденных противником городах или при кораблекрушениях. Подобные примеры можно приводить бесконечно, и большая их часть вполне

достоверна. Лишь сравнительно недавно ученые начали глубоко изучать этот вопрос, анализировать существующие доказательства с научной точки зрения.

Во многих случаях этим занимались сами путешественники. Они пользовались в своих изысканиях сведениями, предоставляемыми другими путешественниками, побывавшими в разных странах мира, а также рассказами миссионеров, которых где только не встретишь. Исследователи Черного континента – Африки – или южноамериканских джунглей, островов Полинезии и Меланезии, ученые, изучающие фольклор, сумевшие овладеть местным языком или наречием, записывали истории и легенды примитивных народов, таких, например, как индейцы квакиутль, живущие на северном побережье Тихого океана.

В результате в XIX и XX веках было собрано огромное количество информации, которое прежде всего поражает разнообразием добытых сведений. За исключением Европы вследствие установления там общепринятого социального порядка, как выяснилось, практика употребления в пищу человеческого мяса существовала во всех частях света.

В Конго, например, рабов специально усиленно кормили, чтобы они выглядели наиболее упитанными – они тогда дороже стоили на невольничьих рынках. В Нигерии тела жертв расчленялись во время торжественных церемоний, а куски их мяса поглощались на местах поклонения. На островах Фиджи в Океании вожди племен перед тем, как приступить к людоедскому пиршеству, стриглись наголо. Молодые матери племени шавантес в Уругвае часто съедали нескольких из своих многочисленных детей. В Западной Африке существовала особая секта, получившая название «Общество леопарда». Ее члены, одетые в шкуры леопарда, охотились на людей. Нагоняя их, перегрызали им горло, а потом во время торжественной церемонии съедали.

В некоторых районах Австралии перед поеданием коптили своих жертв. Кое-где существовал обычай оставлять тела для гниения, а потом любители тухлинки лакомились ими. В других южноамериканских племенах трупы сжигались, их прах смешивался со специальной жидкостью, которую выпивали. Отдельные африканские племена продавали трупы своих соплеменников в соседние поселения, которые страдали от недостатка пищи. В одном южноамериканском племени детей вскармливали мясом плененных женщин, и такие припасы постоянно возобновлялись по мере необходимости. Вариаций здесь уйма.

Практика употребления в пищу человеческого мяса фактически существовала в той или иной степени повсюду в мире. От южных морей до Ванкувера, от Вест-Индии до Ист-Индии, в Полинезии, Меланезии, Австралии и Новой Зеландии, Северной, Восточной, Западной и Центральной Африке, на всей территории Южной Америки – повсюду можно обнаружить свидетельства каннибализма даже в наши дни.

Антропологи старой школы использовали для обозначения подобной практики людоедства термин «антропофагия», греческое составное слово – *anthropos* («человек») и *phagein* («есть», «потреблять»). Но гораздо более известен термин «каннибализм». Это измененное слово *canib* – так называлось одно индейское племя, в котором испанские конкистадоры впервые наблюдали подобный странный обычай. На эту тему за последние сто лет было немало написано различными антропологами, особенно американскими. Может, из-за обилия материала их теории сильно отличаются друг от друга, но все равно вызывают большой интерес. Вот, например, что писал по этому поводу американский антрополог доктор Спайер: «Примитивные люди в своем мышлении так часто объединяли людей с животными, что, по-видимому, человеческое мясо для них не очень сильно отличалось от других продуктов питания. Вероятно, в те времена не существовало инстинктивного отвращения к нему. Ужас перед подобной практикой, вызываемый как у цивилизованных, так и у некоторых примитивных народов, объяснялся скорее условностями, такими, например, как отвращение к пище, считающейся неортодоксальной, нечистой, непригодной для потребления, что, например, наблюдается в семит-

ских племенах, которые не едят свинины. Подобное отвращение – это глубокое эмоциональное состояние, не продиктованное никакой биологической необходимостью».

С другой стороны, доктор Эрик Миллер с не меньшей достоверностью говорит о диаметрально противоположном: «Если такой обычай возник в определенном регионе из-за голода или же диетических потребностей, для преодоления инстинктивного отвращения к каннибализму и его превращения в обычную практику требовался какой-то дополнительный стимул идеологического либо эмоционального порядка».

Хотя доктор Миллер и указал на еще одну причину каннибализма кроме голода, на наш взгляд, существуют по крайней мере два или даже три взаимосвязанных мотива, определяющих его существование: диетический, магический и религиозный.

Если говорить в широком смысле, то все антропологи согласны в одном: каннибализм существует как давний аспект социальной жизни общины: в какой бы части мира она ни находилась, он обязательно проявляется в одной из своих нескольких форм: может быть связан с религиозными церемониями; может приобретать магическое значение; может быть следствием временной весьма нежелательной нехватки зерновых и овощей в повседневной диете человека, что, вполне вероятно, привело к первым единичным экспериментам с человеческой плотью как продуктом питания. Но стань он массовым, то мог бы наверняка привести к настоящей катастрофе, ибо почти повсеместно было отмечено одно поразительное явление: стоит кому-то только попробовать человеческого мяса, как у него возникает неутолимая потребность в нем, подобная постоянному сексуальному голоду, и теперь уже мясо никакого животного не может его заменить. Такое людоедское обжорство постоянно усиливается.

Первые две причины возникновения каннибализма – религия, магия и суеверия тесно связаны между собой в примитивном обществе. Однако существует и определенная связь между ними и третьим, наиболее отвратительным мотивом – неистовой страстью к человеческому мясу. Стоит только привести религиозную, магическую или какую-либо другую «важную» причину для оправдания пожирания человеческой плоти, как спрос на нее начнет стремительно расти. А спрос, как известно, порождает предложение.

Чрезвычайно интересно – если только читателю не претит патологический аспект избранной нами темы – отметить некоторые причины, побуждающие различные племена прибегать к каннибализму. Например, члены отдельных африканских и австралийских племен пожирают своих умерших родственников, считая, что это самый хороший способ захоронения. Целая группа племен на севере Тихоокеанского побережья поедала человеческое мясо на тщательно разработанных церемониях, призванных установить добрые отношения со своими богами. Племя овимбунду в Юго-Западной Африке устраивало людоедское пиршество, чтобы обеспечить тем самым удачу каравану, отправляющемуся в дальний путь.

Племя багесу в бывшей Уганде устраивало каннибальские празднества в честь недавно умерших близких, на которых съедали их трупы. Кроме того, широкое распространение повсюду получила практика поедания человеческой плоти как акта мести. Легко понять, какое огромное удовлетворение получали победители, пожирая труп поверженного врага. В Африке, особенно в южной ее части, среди племен алленга и фанге в Габоне, как и в Меланезии, победители съедали тело врага целиком либо какую-то определенную часть. В некоторых случаях человека методически расчленяли, отсекая ему то ногу, то руку, которые тут же на глазах содрогавшейся полуживой жертвы жарили на огне и съедали. Это было проявлением самого глубокого презрения.

Племя батаков практиковало каннибализм как вид самого сурового наказания, которое назначалось за такое преступление, как измена или прелюбодеяние с женой вождя, что в их глазах было одно и то же. Здесь мы сталкиваемся с любопытным отзвуком крылатого выражения «не сыпь мне соль на раны». Близким родственникам преступника предписывалось принести достаточное количество соли и извести для обработки тела жертвы до начала ужасной

трапезы. Их присутствие на церемонии было обязательным. Скорее всего, это было довольно примитивным способом избежать вражды между семьями пострадавшего и преступника, труп которого съедали также и его родственники. Кроме того, считалось, что, съев тело преступившего закон, соплеменники избавлялись навсегда от его призрака, который в противном случае мог бы постоянно возвращаться в деревню и, возможно, осуществить свое возмездие.

Гораздо более сложными и в силу этого гораздо более интересными кажутся нам религиозные божественные и магические причины возникновения каннибализма, с которыми связано множество самых разнообразных легенд, превращающихся подчас в определенного рода мифологию.

Самое главное и самое универсальное в этих религиозно-магических поверьях заключается в том, что, по убеждению этих людей, человек, который съел хотя бы часть тела другого представителя человеческой расы, приобретает те или иные его качества. Это переход «душевной субстанции», или «жизненной силы», от одного к другому, от мертвого к живому. Тот воин, который съедает сердце поверженного в битве врага, таким образом получал новую дозу отваги. А если на месте жертвы оказывался бесстрашный, доблестный воин – тем большую! Мальчиков в одном австралийском племени принуждали съедать часть трупа отца, считая, что таким образом им передавалась его воинская отвага и смелость. Это помогало стать также опытным следопытом или даже вождем.

Существует множество вариантов передачи «душевной субстанции» от мертвых к живым. Иногда выпивают кровь мертвого, лучше еще теплую. Воины как примитивных, так и более развитых племен довольствовались тем, что слизывали кровь со своего копья, поразившего насмерть врага, или же, что более утонченно, вкушали трапезу после битвы, не отмывая руки от крови. У племен маори существовал другой обычай – они съедали глаза побежденных на поле брани врагов.

Считалось, что заимствование у врага «жизненной силы» увеличивает способность к деторождению, и среди многих племен главным условием заключения брака была успешная вылазка за черепами, совершаемая женихом в одиночестве. Наиважнейший вопрос плодородия, будь то зачатие детей или сбор урожая зерна или плодов, всегда ассоциировался у примитивных племен с представлениями о крови, этой «жизненной силе». Среди них существовал обычай осыпать возвратившегося с победой из похода за черепами воина зерном. Это, по их мнению, способствовало укреплению плодovitости человека и плодородию его семени. На более приземленном уровне во многих регионах существовала несколько иная практика каннибализма. Больной человек съедал у умершего здорового соплеменника ту часть тела, которая, по его мнению, вызывала у него самого болезнь.

В племенах жумана и кобена в бассейне Амазонки, как и в индийских племенах Бихора, благоговейно поедались трупы наиболее почитаемых родственников в надежде, что к живым перейдут все их положительные качества.

В Мексике, по-видимому, священные ритуалы достигли наивысшей степени сложности. Человеческая плоть считалась единственно приемлемой для главных богов пищей. Только ею можно было умиловить их. Человеческие жертвы тщательно отбирались, и затем их рассматривали как представителей таких всемогущих богов, как Кецалкоатль и Тескатлипока. В ходе скрупулезно разработанных ритуальных церемоний «избранников» приносили в жертву богам, а всем присутствующим предлагали отведать кусочек их тела, чтобы тем самым причаститься к богам.

Если такие церемонии тщательно разрабатывались, то суть разнообразных табу становилась все более неясной, все более запутанной. Это неизбежно – одно табу неизменно порождает другое. Например, у некоторых племен после удачного похода с целью захвата жертв для ритуальных празднеств ближайшие родственники победоносных воинов на них не приглашались; в других, напротив, всем заправлял удачливый воин и члены его семьи. В иных случаях

трапеза проходила без участия ратника или же на нее не допускались женщины и дети. Следует отметить в связи с этим, что когда, например, убивали человека из-за мести, то членов семьи, организовавших такой акт, звали на ритуальную еду. На самом деле не существует предела для извилистого мыслительного процесса так называемого «доброго дикаря». В этом мы еще не раз убедимся.

Так кто же такие каннибалы и откуда пошло это название?

Глава 1

Христофор Колумб – открыватель каннибалов

Ранним утром в пятницу, 3 августа 1492 года, в восемь часов утра у отмели Сатес, лежащей у слияния двух рек – Одьеля и Рио-Тинто, – на мелких волнах плавно покачивались озаренные кроваво-красным восходом три парусника – «Санта-Мария», «Нинья» и «Пинта», – которым было суждено проложить первый в истории человечества маршрут в Новый Свет и покрыть себя неувядаемой славой.

Христофор Колумб, этот энергичный, неутомимый генуэзец, был главным организатором и руководителем первой экспедиции к берегам тогда еще неизвестной Америки.

У «Санта-Марии» и «Пинты» при выходе из Палоса были паруса прямоугольной формы, а у «Ниньи» – косые. На Канарских островах Колумб распорядился заменить их на прямые, так как они были гораздо прочнее и ими было легче управлять. Со стороны эти корабли выглядели довольно величественными. Алые борта выше ватерлинии, на парусах красовались геральдические фигуры и кресты, а в торжественных случаях на мачтах поднимался королевский штандарт – внушительных размеров полотнище с гербом Кастилии и Леона, на котором в шахматном порядке располагались башни и свирепые львы. При входе в чужеземные порты и при высадке на новооткрытых землях вверх взлетал красивый вымпел с литерами «F» и «Y», инициалами главных организаторов далекого опасного путешествия к неизвестным берегам – короля Фердинанда II Арагонского и его супруги Изабеллы. На кораблях было несколько бомбард – небольших пушек, стреляющих каменными ядрами, и фальконетов – двуствольных пищалей, а на случай ближнего боя – аркебузы и арбалеты. Порохом запаслись в изрядном количестве, равно как и свинцовыми пулями.

Такие корабли, как писал Колумб, были весьма пригодны для подобного дела, то есть для великих географических открытий. Но таковыми они, разумеется, могли быть лишь в умелых руках, а вахту на них несли отличные мореходы, сведущие кормчие смело вели их к далекой Вест-Индии. Среди капитанов, конечно, выделялся Христофор Колумб, адмирал, вице-король пока еще не открытых земель, чрезвычайный посол Испании, ее Королевских Величеств, к государям Востока.

Корабли шли на запад, подгоняемые попутным резвым ветром, необычайно быстро: случилось, за сутки они пробегали по 60 лиг (около 150 морских миль).

2 октября 1492 года в два часа пополудни впередсмотрящий Родриго Бермехо прокричал капитану «Пинты» Мартину Алонсо Пинтсону: «Terra! Terra!» («Земля! Земля!»). Теперь все увидели далекий холмик на неведомом берегу. В Европе, старой Европе, только загорался день. Не спеша, лениво просыпались в своих кроватях люди, шли в храм, к ранним заутреням и мессам, но никто из жителей континента еще не ведал, что уже открыта земля Нового Света!

Это был остров Гуаныхани, который адмирал в ходе торжественной церемонии переименовал, дав ему другое, христианское название – Сан-Сальвадор, остров Святого Спасителя.

По расчетам адмирала, где-то поблизости должен был находиться остров Сипанго, за которым лежала страна великого хана.

В среду, 24 октября 1492 года, адмирал, круто повернув, устремился к острову Куба. Три дня спустя перед наступлением темной тропической ночи корабли Колумба подошли к большой земле и бросили якоря у дивных берегов. В море стекала широкая бурная река, а в ее долине росли пальмы с огромными листьями и множество деревьев с неведомыми плодами. То была Куба.

Куба... Громадный остров, протянувшийся на сотни миль. Теперь адмирал не сомневался – он наконец дошел до владений великого хана. Как же эта страна не похожа на Китай,

северные земли империи великого хана, – здесь совсем другой ландшафт, чем на острове Сипанго или в Индии. Сам могущественный король, по убеждению Колумба, правит страной из глубинки, лежащей в четырех днях пути от места стоянки испанских кораблей.

23 ноября 1492 года до Христофора Колумба доходят первые сведения о существовании в этих местах странных людей. Он в своем дневнике делает следующую запись: «Эти дикари называются *caniba*, их здесь все ужасно боятся, они свирепы, вооружены до зубов и пожирают каждого, кто попадает к ним на пути... Их называют *caniba*, а на Эспаньоле – *sakib*. Это настоящие сорвиголовы, они здесь бродят по многим островам и поедают всех людей, которые подвернутся им под руку...».

Таким образом, слово «каннибал» происходит от аравакского *caniba*, или *sakiba*, – так называли себя индейцы-карибы Малых Антильских островов, что на их языке означало «смелый», «бесстрашный».

Итак, Колумба по праву можно считать не только первооткрывателем Америки, но и человеком, открывшим слово «каннибал». В «Журнале путешествия» Бартоломе де Лас Касас под датой «воскресенье, 4 ноября 1492 года» оставляет запись, что адмирал, который несколько дней назад подошел к северным берегам острова Куба, в своем дневнике, ссылаясь на показания своих переводчиков, записал: «Там, дальше к востоку, живут одноглазые люди, а другие, с собачьими мордами, едят людей». Пока еще слова «каннибал» мы не находим. Скорее всего, эти два фантастических народа навеяны географическими античными познаниями. «Одноглазые» и «собакоголовые» включены в список чудовищных человеческих рас, который кочевал почти в неизменном виде из сочинений Плиния и Солина в трактаты святого Августина, а затем и в «Книги этимологии» Исидора Севильского. У последнего «циклопы» следуют сразу за «собакоголовыми».

Человек с собачьей головой и циклоп открывают серию из двадцати одной виньетки, выгравированной на дереве, на которых запечатлены все народы-монстры, существовавшие на Земле. Эта серия украшает «Универсальную хронику» Гартмана Цеделя, которая вышла в Нюрнберге в 1493 году. Там же приводятся имена самых важных авторитетов в этой области: *Plinius, Augustinus und Ysidorus*, то есть неразлучная троица – Плиний, святой Августин и Исидор Севильский.

Совершенно очевидно, что Колумб с помощью своего «научного мышления» по-своему перевел на родной язык те оскорбления, которыми осыпали мирные араваки своих кровожадных соседей-людоедов. У этих чудовищ, пожирающих людей, должны быть собачьи головы – недаром об этом заявлял сам Плиний!

Интересно отметить, что в «Дневнике» Колумба слово *супосерphale* («собакоголовый») предшествует слову *сannibale*. Оно впервые появляется только через несколько страниц, под датой 23 ноября 1492 года. Аналогичность контекста с записью от 4 ноября позволяет нам в каннибале видеть точный эквивалент собакоголового. По-прежнему ассоциируемые с циклопами, эти странные люди внушают всем отчаянный страх из-за их свирепого аппетита к человеческой плоти. В это время корабли Колумба находятся на широте Моа-Гранде, и адмирал продолжает свое каботажное плавание по направлению к острову Гаити. 26 ноября происходит странная метаморфоза: в силу какой-то необъяснимой телепатии *caniba*, или *сaniwa*, эти люди с собачьими мордами, вдруг неожиданно отождествляются с циклопами. Две расы человеческих чудовищ, которые одна за другой появляются у Исидора Севильского и в «Хронике» Гартмана Цеделя, теперь сливаются в одну и становятся одним монстром-циклопом с собачьей мордой.

В силу эффекта простого совпадения корни слов вдруг перепутываются, вызывая взаимное проникновение друг в друга лавины образов. В слове *сannibale*, или, если быть точнее, *canibale*, Колумб ошибочно распознал корень – *canis* (по-латыни «собака»), отсюда – циклоп с собачьей мордой. Но в понедельник, 26 ноября 1492 года, путаница усиливается. Обогащенное первым, «собачьим» корнем, слово *canibale* через усечение конечного звука вызывает в вообра-

жении образ великого хана Тартарии. Такая вполне понятная «аллюзия» объясняется логикой мышления Колумба, который уверен, что движется к западному побережью Азии. Кроме того, чуть позже он перепутает туземное название острова Сивао (или Гаити) с названием островов Японии Сипанго, которые он ожидает вот-вот увидеть. Поэтому адмирал, который в глубине души все же сомневался в существовании циклопов с собачьими мордами, теперь решительным образом воспринимает и вторую этимологическую аллюзию, гораздо более привлекательную для него. По его мнению, каннибалы живут во владениях великого хана. Такая запись появляется в его «Дневнике» под датой 24 декабря 1492 года.

Вдруг он осознает растущую опасность со стороны антропофагов с собачьими головами. Еще 11 декабря, когда его каравелла шла по-прежнему на восток вдоль северного побережья Эспаньолы, Колумб вновь возвращается к своей навязчивой идее, находя ответ, показавшийся ему наиболее рациональным.

«Приходится еще раз повторить то, что я уже неоднократно говорил: *caniba* – это не что иное, как народ великого хана, который находится где-то поблизости. У них есть свои суда, с помощью которых они захватывают людей, и так как пленники никогда назад не возвращаются, то можно считать, что их просто съедают».

Когда чуть позже ему показывают несчастного индейца, у которого не доставало «куска тела», адмирал решительно отказывается видеть в этом ужасное свидетельство чудовищной прожорливости людоедов. Отказываясь верить в каннибализм, Колумб тем не менее упрямо цепляется за это слово, так как оно, по его разумению, должно открыть ему путь к чудесам Азии. Прошел еще месяц каботажного плавания у берегов Эспаньолы, и вот 16 января 1493 года адмирал отдает приказ возвращаться на родину, в Испанию. Гипотеза о существовании великого хана, таким образом, не подтвердилась, хотя версия о людях с собачьими мордами при всей ее невероятности еще сохраняла тень правдоподобия. Как бы там ни было, но Колумбу во время первого путешествия так и не удалось встретиться с истинными «карибами-людоедами», о которых рассказывали араваки.

Ему придется столкнуться с ними только два года спустя, во время своего второго путешествия через океан, когда он, высадившись справа от острова Доминики на Малые Антильские острова, обнаружит в одной деревне на Гваделупе, покинутой незадолго до этого всем населением, нетронутые яства людоедского пиршества. Вся эта леденящая душу сцена с подробными деталями изложена в приподнято-назидательном тоне в первой из восьми «Декад» Пьетро Мартине д'Ангиера, знаменитого итальянского гуманиста, жившего при испанском королевском дворе, члена Совета обеих Индий, который в силу своих служебных обязанностей получал все материалы из первых рук для составления своей хроники Великих географических открытий. Нарисованная им картина людоедского празднества на Гваделупе – воображаемая сцена, на которой нет ни одного живого актера, – вся заполнена лишь расчлененными трупами: отрубленные руки и ноги, человеческое мясо в сосудах вперемешку с мясом попугая, только что отрезанная голова подвешена на шесте – с нее еще сочится свежая теплая кровь. Этот кошмар сыграл свою роль – он надолго обеспечил каннибалам рекламу. По всей Европе то и дело менялся их образ, и даже если в скором времени исчезла легенда об их собачьих головах, то чудовищное меню и леденящее душу застолье вряд ли могли компенсировать их столь слабую гуманизацию.

Глава 2

Агнец милосердия

Хочу надеяться, что у читателя, ознакомившегося с первой главой моей книги, не сложилось впечатления, что принесение человеческих жертв и поедание пленников было распространенным явлением только среди американских индейцев. Всего сто или даже пятьдесят лет назад в сотнях туземных общин, раскинувшихся на территории Африки, к югу от Сахары, в Юго-Восточной Азии, Малайзии, Индонезии и Океании, существовал обычай, правда, в узком масштабе, принесения в жертву пленников и распределения между присутствующими на ритуале кусочков их мертвых тел. К тому же есть все основания считать, что употребление человеческой плоти на священных празднествах было важным аспектом местных традиционных культур до возникновения государств в Месопотамии, Египте, Индии, Китае или в Европе.

Во всех этих регионах существовал ритуал принесения в жертву людей, но их довольно редко съедали. В таких авторитетных римских источниках, как труды Цезаря, Тацита и Плутарха, утверждается, что принесение в жертву пленников было широко распространенной практикой у так называемых варварских народов, живших на границах греко-римского мира. Греки и римляне периода поздней классической античности считали принесение любой человеческой жертвы делом аморальным и искренне негодовали по поводу того, что честные солдаты должны лишаться жизни ради культов, царивших у таких «нецивилизованных народов», как бритты, галлы, кельты и тевтоны. Во времена Гомера сами греки не чурались убийства небольшого числа пленников, чтобы умиловить своих богов.

Во время Троянской войны, например, ее легендарный герой Ахилл бросил в погребальный костер своего соратника Патрокла двенадцать захваченных в плен троянцев. Позже, во время крупного морского сражения при Саламине в 480 году до н. э. между греками и персами, греческий командующий Фемистокл приказал принести в жертву трех захваченных накануне персов, чтобы обеспечить себе победу. Римляне тоже прибегали к человеческим жертвам. Около 226 года до н. э. они закопали заживо двух греков и двух галлов, чтобы не дать исполниться пророчеству о том, что в скором времени галлы с греками овладеют Римом. Подобные инциденты случались и позже, в 216 и 104 гг. до н. э. Даже вымуштрованные римские войска робели при первых столкновениях с кельтами, которые шли в бой, распевая магические гимны, и, сорвав с себя все одежды, совершенно голые устремлялись на римлян. Существование кельтского культа отсеченной головы еще в доримской Европе железного века наводит на мысль, что чернокожие и индейцы в современной Америке – не единственные наследники «охотников за черепами». Воины-кельты, бросив отрубленные головы своих врагов в боевые колесницы, везли их домой, где насаживали на высокие шесты. На юге Франции кельты демонстрировали черепа в специальных нишах, вырубленных в скальном монолите. Вражеские черепа украшали кельтские горные форты и главные ворота перед их городами и поселениями. Нам известно, что человеческие жертвоприношения играли важную роль в кельтском религиозном ритуале и эта процедура осуществлялась под присмотром особой касты жрецов, получившей название друидов. Кельты предпочитали сжигать людей на кострах, для чего изготавливали плетеные корзины из ивняка в рост человека, затапливали в нее жертву и поджигали прутья. Иногда жертв потрошили, чтобы друиды по исходящим паром внутренностям могли предсказать будущее, или их закалывали кинжалом в спину, и, после того как человек в страшной агонии умрет, по положению его скорченных членов жрецы проводили ту же процедуру. Геродот сообщает еще об одном знаменитом народе – «охотниках за черепами»: о скифах, живших в низовьях Дуная и на берегах Черного моря. Они регулярно приносили в жертву каждого сотого из захваченных на поле брани вражеских воинов.

Как утверждает профессор Игнас Гельб из Чикагского университета, пленников часто приносили в жертву в храмах. В табличке из Лагаша, составленной около 2500 года до н. э., говорится, что тысячи вражеских трупов обычно складывались в большие пирамиды. Захваченных в плен воинов часто приносили в жертву и в Древнем Китае.

Библейский рассказ об Аврааме и его сыне Исааке указывает нам на принятие древними иудеями идеи человеческого жертвоприношения. Аврааму чудится, что он слышит, как Бог требует убить его сына, и он идет на такое убийство, и лишь в последний момент его руку с ножом отводит ангел. В жертву приносится запутавшийся в зарослях баран.

В ранних брахманских священных писаниях замечен все возрастающий интерес к человеческим жертвоприношениям. Их богиня смерти Кали удивительно похожа на кровожадных божеств ацтеков. В «Калика пурана» – «Священной книге Кали» – она представлена в виде ужасной, отвратительной женской фигуры, обвешанной гирляндами человеческих черепов, испачканной человеческой кровью, с черепом в одной руке и мечом в другой. В этой книге приводятся в мельчайших подробностях все тончайшие инструкции в отношении обряда предания людей ритуальной смерти.

Одной из самых стойких форм приношения человеческих жертв в государствах и империях Древнего мира, по-видимому, следует считать массовое убийство на похоронах вождей и императоров их жен, слуг и телохранителей. Скифы, например, убивали всех царских поваров, конюхов и слуг. Умертвляли всех прекрасных холеных лошадей вместе с юными наездниками, чтобы они могли ездить на них в потустороннем мире. Следы принесения в жертву царских слуг были обнаружены в древних египетских гробницах в Абидосе и погребениях шумерских царей в Уре. Обряд принесения в жертву слуг преследовал двойную цель. Во-первых, правитель забирал с собой в могилу весь двор, чтобы и там сохранить тот стиль, к которому привык в этой жизни. Но за этим стояла и другая, куда более прозаическая причина. Непременная смерть его жен, слуг и телохранителей после его кончины вселяла уверенность в сюзерена, что его ближайшее окружение будет ценить его жизнь дороже своей и в таком случае ничто не угрожает его безопасности, никто не осмелится организовать заговор с целью его смещения с трона. В Китае в конце II тысячелетия до н. э., вероятно, было совершено множество таких человеческих жертвоприношений. Тысячи людей убивали на каждом похоронах императора. Такой практике, наравне с принесением в жертву пленников, был положен конец во время правления в стране династии Чу (1023—257 гг. до н. э.). При династии Цинь живых людей и животных заменили глиняные изваяния. Когда в 210 году до н. э. скончался первый император объединенного Китая Цинь Шихуанди, по этому печальному случаю было изготовлено 6000 керамических статуй в натуральную величину его пехотинцев и кавалеристов на конях, которые были захоронены в подземелье размером с нынешнее футбольное поле, рядом с гробницей усопшего императора.

В таком беглом обзоре практики человеческих жертвоприношений в Старом Свете поражает одно – они очень редко сопровождались поеданием человеческой плоти. Мы не располагаем никакими, даже косвенными, доказательствами того, что существовала определенная государственная, жреческая или военная система, занимавшаяся распределением частиц человеческих тел при принесении людей в жертву. Павсаний Лидийский утверждает, что галлы под командованием Комбютиса и Орестория уничтожили все мужское население в Каллиасе, они пили их кровь и ели их плоть. Подобные обвинения выдвигались против татар и монголов, но такие сведения, скорее всего, лишь свидетельства обычных жестокостей на войне, а не этнографические описания ужасных каннибальских культов, которые, например, царили у ацтеков. Сообщения о случаях каннибализма в Египте, Индии, Китае обычно связываются либо с приготовлением экзотических блюд для пресыщенных представителей высшего общества, либо с наступлением голода, когда бедняки были просто вынуждены съедать друг друга.

В Европе послеримского периода каннибализм считался тягчайшим преступлением, и на него могли отважиться только ведьмы, оборотни и вампиры.

Возвращаясь снова к проблеме каннибализма, необходимо рассмотреть ее с точки зрения теории морального прогресса. Многим из нас гораздо приятнее считать, что ацтеки так и остались каннибалами из-за того, что их нравственность находилась на очень низком уровне и определялась инстинктами, а в странах Старого Света существовало строгое табу на употребление в пищу человеческой плоти, ибо там моральный уровень населения постоянно и неуклонно возрастал с прогрессом цивилизации. Думается, что такие представления можно объяснить либо провинциальным взглядом на многие вещи, либо откровенным лицемерием. Ни запрет на каннибализм в Старом Свете, ни снижение числа человеческих жертвоприношений в нем не оказали ни малейшего влияния на скорость, с которой государства и империи в этом мире уничтожали население друг друга. Всем известно, что количество войн с доисторических времен неуклонно росло и рекордное число жертв в результате возникших военных конфликтов как раз приходится на те страны, где главенствующей является религия христианства. Горы трупов, оставленные гнить на полях сражений, ничем не отличаются от расчлененных трупов для каннибальских празднеств. Сегодня, когда еще вполне реальна угроза третьей мировой войны, нельзя свысока глядеть на примитивных ацтеков. В наш ядерный век мир выживает только потому, что каждая из враждующих сторон убеждена, что нравственные стандарты другой гораздо ниже и она не позволит себе ответить ударом на первый удар. Но те, кто переживет ядерный кошмар, не смогут даже похоронить мертвых, не говоря уже о том, чтобы есть их.

Видится два условия, определяющих издержки или выгоды каннибализма на ранней стадии формирования государства. Прежде всего, это использование вражеских солдат в качестве производителей продуктов питания, а не в качестве источника мяса как такового. Игнас Гельб, говоря о государственной эволюции в Месопотамии, указывает, что вначале мужчин убивали либо на поле боя, либо во время ритуальных церемоний и лишь пленные женщины и дети пополняли армию рабского труда. Это говорило о том, что гораздо легче поддерживать порядок среди чужестранок и их детей, чем среди недисциплинированных пленников-мужчин. Но по мере роста могущества государственного аппарата военнопленных клеймили, связывали веревками и держали в колодках. Позже их, однако, освобождали, размещали на новых землях или даже использовали для особых надобностей правителей – например, многие из них становились телохранителями, наемниками или же воинами в летучих отрядах.

Изменение статуса пленника – это главный фактор при создании второго по важности источника дешевой производительной рабочей силы в Месопотамии.

Гельб подчеркивает, что пленники в Месопотамии, Индии или Китае не были рабами, а скорее – более или менее свободными крестьянами, которых расселяли по территории всего государства. Таким государственным системам Старого Света было гораздо выгоднее использовать домашних животных для получения мяса и молока, чем плоти пленников. Сельскохозяйственные рабочие ценились куда выше «пушечного мяса». Домашние животные позволяли увеличить производство, существенно расширить производственную базу государств и империй Старого Света, достичь такого уровня экономики, который не снился древним ацтекам, во многом полагавшимся на каннибализм.

Второй аспект при подсчете издержек и выгод от каннибализма носит скорее политический, чем экономический характер, хотя в конечном итоге все сводится к поддержанию приемлемых условий жизни для все возрастающего населения, интенсификации производства и уменьшению экологического урона. Государства формировались из сельских общин в результате появления все большего числа способных руководителей, умело занимавшихся экономическим перераспределением, а также благодаря ведению локальных войн. Первые короли, такие как Сигурд Щедрый, намеренно пропагандировали образ «великого кормильца»,

и подобным лозунгом «сильные мира сего» всегда подтверждали свое величие. Такая неслыханная щедрость в ситуации быстро растущего населения, ухудшения природных условий и среды обитания требовала вторжения на чужие территории, принятия в своих границах все большего числа крестьян. В таком случае поедание пленников означало бы лишь бездумное растраниживание мужской силы, и это, конечно, было бы самой глупой стратегией для любого государства, имеющего имперские амбиции. Строительство империи нельзя облегчить обещанием, что тех, кто подчинится, «не съедят», а напротив, жизнь каждого человека только улучшится и его здоровье укрепится. Каннибализм и империя – две вещи несовместимые. Сколько раз на протяжении всей истории властители обманывали народы, пытаясь убедить их, что несправедливость при распределении огромных богатств в конечном итоге только способствует их благополучию. Но «великий кормилец» всегда воздерживался от таких заявлений, что, мол, нет особого различия между тем, кто ест, и тем, кого едят. Идея создания каннибалистского государства – это идея вечных войн с соседями, в которых людей рассматривают не иначе, как «ходячее» мясо, пригодное для вкусной похлебки. Такой выбор сделало только одно государство – государство ацтеков, но в результате оно так и не смогло достичь имперского величия и разрушилось при встрече с незнакомой цивилизацией.

Следует указать еще на одну причину проявления милосердия по отношению к пленникам. Рост могущества империй заставлял видеть в ее правителях почти божественных лиц, которые защищают слабых от злоупотреблений со стороны представителей правящего класса. «Великого кормильца» все чаще представляли как великого праведника, поборника правосудия, милосердия и защитника слабых. В этом суть всех универсальных религий в Старом Свете, религий, прославляющих любовь и милосердие. В первом известном нам законодательстве, появившемся за 1700 лет до рождения Христа, царь Вавилонии Хаммурапи провозгласил защиту слабых и угнетенных основополагающим принципом своей империи. Он называл себя «великим кормильцем», «пастырем», «распределителем несметных богатств», «гарантом полных закромов» и, наконец, «богом солнца Вавилонии, который рождает свет над его царством». Он к тому же еще «великий защитник», «разрушитель зла», «великий судья», не позволяющий сильным обижать слабого.

Точно такой же политический расчет лежит и в основе политической религии, известной нам как конфуцианство. У первых китайских императоров существовал «мозговой трест» при дворе, который разрабатывал для правителя стратегию и тактику, как ему остаться богатым и могущественным государственным деятелем и сохранить при этом за собой трон. Самыми известными советниками были Конфуций и Менций, которые без устали поучали своих повелителей, что нужно хорошо кормить свой народ, не облагать его непосильными налогами – только в этом путь к процветанию государства. Менций пошел еще дальше, заявив, что личность императора сама по себе ничего не представляет. Только тот император, который хорошо относится к народу, способен долго усидеть на троне. Так развивалась религиозная доктрина любви, милосердия и самопожертвования. У благожелательного человека нет врагов, утверждал Менций.

Глава 3

Обширное царство каннибалов

Отлично вымуштрованный отряд бездушных и беспощадных воинов-мясников, граждан той страны, в которой господствовала инквизиция, под командованием Эрнана Кортеса, прибыв в Мексику в 1519 году, состоял из бойцов далеко не слабонервных, давно привыкших к душераздирающим сценам жестокости, насилия и кровопролития. Поэтому они нисколько не удивились тому, что ацтеки постоянно приносят людей в жертву своим богам. А разве сами испанцы и другие европейцы с изощренной методичностью не раздробляли кости своих жертв на дыбе, не разрывали их на части, привязывая к четверке лошадей, разве не избавлялись от женщин, обвиненных в колдовстве, отправляя на костер?

И все же они не были до конца готовы к тому, что им предстояло увидеть в Мексике.

Нигде в мире в такой мере не процветала финансируемая государством религия, чье искусство, архитектура, различные ритуалы до последней степени были подчинены господству откровенного насилия, смерти, тлена и болезней. Нигде прежде не видели они стены больших храмов и дворцов и прилегающие к ним площади с такой потрясающей экспозицией челюстей, зубов, пальцев с длинными ногтями, рук, костей и разверстых черепов. У Кортеса и его приятеля-конкистадора Бернала Диаса не оставалось и тени сомнения по поводу религиозного значения этих вселяющих в душу ужас, искаженных лиц, вырубленных в камне. Боги ацтеков поедали людей. Они пожирали их сердца, пили их кровь. А объявленная во всеуслышание главная обязанность ацтекских жрецов состояла в бесперебойном снабжении их новыми человеческими сердцами, новой теплой кровью, чтобы не дать повода своим божествам прогневаться и нанести им непоправимый урон, навлечь на них болезнь, порчу и позволить им таким образом уничтожить весь мир.

Испанцам впервые удалось увидеть внутреннее убранство главного храма ацтеков, когда последний из ацтекских царей Монтесума пригласил их туда на экскурсию. Сам царь все еще не принял окончательного решения, что ему делать с пришельцами, – и это была ошибка, которая очень скоро станет для него роковой, – когда пригласил испанцев подняться по 114 ступеням к двум храмам-близнецам Уицилопочтли и Тлалока, сооруженным на вершине самой высокой пирамиды Теночтитлан, возведенной в центре сегодняшнего Мехико-Сити. «Когда мы поднимались по длинной и высокой лестнице, – писал в своих воспоминаниях Бернал Диас, – перед нашим взором открывались другие храмы и священные места поклонения, все они были построены из белого камня и блестели на жарком солнце. На вершине пирамиды на открытом воздухе стояли громадные валуны, на которых приносили в жертву богам несчастных индейцев. Там мы увидели большое неуклюжее изваяние, похожее на дракона, и множество других каменных фигур с жестокими, злыми лицами – сколько же крови пролилось на наших глазах в тот день! Потом Монтесума повел своих гостей полюбоваться богом Уицилопочтли. У него было широкое лицо и чудовищные, вселяющие панический страх глаза. Перед ним догорали сердца трех индейцев, которых принесли ему в жертву. Стены и пол храма были настолько густо залиты кровью, что казались черными, а во всем помещении стояла отвратительная вонь. В храме другого бога тоже все вокруг было залито кровью: и стены, и даже алтарь, стояло такое зловоние, что мы едва дождались момента, чтобы поскорее уйти оттуда».

Главным источником «пищи» для ацтекских богов были пленники, которых вели вверх по ступеням пирамиды к храмам. Там их хватали четверо жрецов, распинали на каменном алтаре и одним мощным ударом острого ножа из вулканического стекла, который им подавал пятый священнослужитель, вспарывали им грудь от плеча до плеча. Из груди несчастного

вырывали еще бьющееся сердце и тут же сжигали его на огне. Таким было жертвоприношение. Мертвые тела сбрасывали с пирамиды вниз по крутым ступеням.

Иногда таким ритуальным жертвам, особенно отличившимся в бою воинам, предоставлялась особая привилегия: они могли защищаться перед тем, как принять верную смерть. Бернардино де Саагун, величайший историк и этнограф, специалист по ацтекам, так описывал эти «потешные» бои: «...Они также умерщвляли некоторых пленников, устраивали для этого демонстрационные бои. Привязывали несчастного обреченного за талию длинной веревкой, пронизав ее через паз круглого, как мельничный жернов, камня. Это давало ему возможность более или менее свободно передвигаться по ограниченному пространству. Потом ему вручали оружие. Против будущей жертвы выходило обычно четыре воина в полном воинском снаряжении, с мечами и щитами. Они обменивались с ним яростными ударами, покуда пленник не падал, бездыханный, к их ногам...».

Вероятно, за три века до этого в государстве ацтеков и сам царь не отказывал себе в удовольствии заколоть несколько человек, избранных для жертвоприношения, собственными руками. Вот что рассказывает Диего Дуран о легендарной массовой кровавой расправе над пленниками, захваченными миутеками: «К ним подошли пятеро жрецов и пальцем указали на того, кто стоял в первом ряду... Каждого из них провожали до того места, где стоял царь, и силой заставляли его стать на камень, похожий на солнце. Потом они опрокидывали его на спину. Один из жрецов держал пленника за правую руку, второй – за левую, третий – за левую ногу, четвертый – за правую, а пятый в это время ловко привязывал его шею к камню веревкой. Теперь несчастный не мог шевельнуть и пальцем.

Царь, взмахнув ножом, вонзал его пленнику в грудь. Разрезав ее пошире, он вырывал у него сердце и поднимал его обеими руками вверх, предлагая этот дар солнцу. Когда сердце в его руках остывало, он, налив из него крови в пригоршню, разбрызгивал ее в направлении светила. Потом бросал сердце в специальную кругообразную выемку в камне».

Однако не все жертвы были пленниками. В жертву приносилось немало рабов. Кроме того, среди красивых юношей и девушек производили отбор кандидатов на исполнение ролей определенных богов и богинь. За ними с особым вниманием ухаживали в течение всего года до казни. В «Дрезденском кодексе», книге XVI века, написанной на языке ацтеков науатль, приводится рассказ об одной женщине, которой предстояло сыграть роль богини Устокуатль: «Только после того, как были заколоты все пленники, наступила очередь женщины, олицетворяющей богиню. Она была последней. К ней подошли жрецы и занимались только ею.

Закончив общение с ней, они уложили ее спиной на каменный жертвенник и крепко держали ее. Жрецы широко раздвинули ее ноги, раскинули руки, выпятили ее грудь, пригнув голову к земле. Наклонившись над жертвой, они с силой прижали к ее горлу длинный костяной, весь усеянный острыми шипами нос рыбы-меча с иглами с обеих сторон.

Палач сидя наблюдал за подготовкой. Он встал. Подойдя к жертве, он ножом распорол ее грудь. Кровь, словно закипев, забила фонтаном. Нащупав руками сердце, он вырвал его из груди, подняв его высоко, к солнцу. Это жертвоприношение предназначалось ему, их главному богу. После этого он бросил теплое еще сердце в большой зеленый каменный кувшин. Во время торжественного ритуала раздавался громкий трубный рев. Затем тело жертвы вместе с сердцем было положено на землю и накрыто дорогой мантией».

Но такие демонстрации поклонения божеству проходили довольно редко. Большинство жертв уныло тащились, еле передвигая ноги, к месту казни по ступенькам, а многих даже приходилось волочь за волосы. Их совсем не прельщала перспектива доставить радость какому-то богу.

Ацтеки, конечно, не были первыми мезоамериканцами, которые приносили людей в жертву своим богам. Известно, что толтеки и майя тоже занимались подобной практикой, и вполне резонно можно предположить, что крутые, почти отвесные со всех сторон мезоамери-

канские пирамиды с плоской верхушкой как раз и предназначались для кровавого спектакля, когда людей приносили в жертву богам, чтобы «умилостивить» их. Нельзя сказать, что человеческие жертвоприношения – это изобретение государственных религий. Если судить по опыту отдельных групп людей или сельских общин, то можно сказать, что на всей территории обеих Америк, как и в других районах мира, практика человеческих жертвоприношений существовала задолго до возникновения государственных религий.

От Бразилии до Великих равнин в общинах американских индейцев существовал ритуал принесения в жертву людей. По сути дела, каждый элемент ацтекского ритуала объясняется верованиями и практикой сельских жителей. Даже «хирургическая» операция по удалению сердца имела свою историю. В племени ирокезов постоянно шла борьба за право съесть кусочек сердца бесстрашного воина, чтобы таким образом позаимствовать у него смелость и отвагу. Повсюду мужчины становились главными врагами. До того как принять смерть, их прогоняли сквозь строй, побивали камнями, избивали, поджигали, наносили увечья и подвергали другим невыносимым пыткам и насилию. Иногда их привязывали к столбу и, вручая палицу, предлагали защищаться от нападавших мучителей. Однако случалось, что несколько пленников по какой-то причине получали особую привилегию – их долго не убивали, хорошо кормили и даже предоставляли им наложниц.

Ритуальное жертвоприношение пленников в деревнях обычно сопровождалось своеобразным пиршеством, когда съедали либо весь труп жертвы, либо какую-то его часть. Благодаря свидетельству очевидца, немецкого моряка Ганца Штедена, корабль которого разбился у берегов Бразилии в начале XVI века, мы располагаем описанием того, как племя индейцев упинамба соединяло обряд жертвоприношения с каннибализмом.

В день принесения в жертву пленника, всего связанного, выволакивали на деревенскую площадь. Его тут же окружали женщины, которые его оскорбляли и всячески издевались над ним, но ему разрешалось обороняться от них. Он кидал в них фрукты и черепки от глиняной посуды. Тем временем старухи, разукрашенные черно-красными полосами, с ожерельями из человеческих зубов на шее, притаскивали украшенные орнаментом глиняные горшки, в которых будут сварены кровь жертвы и его внутренности. Церемониальная дубинка, которая использовалась для убийства, переходила у мужчин из рук в руки, чтобы «наделить их силой и помочь поймать в будущем еще не одного пленника». На главном палаче была длинная накидка из перьев, и за ним шла толпа родственников, распевая гимны и нещадно колотя в барабаны. Палач с жертвой приступали к злой пикировке, чтобы высмеять друг друга. Пленник получал определенную свободу передвижений по ограниченному пространству, чтобы уклоняться от ударов, а иногда и ему давали дубинку, чтобы он мог обороняться от нападавших на него убийц. Когда же наконец ему раскраивали череп, раздавался радостный крик и свист. Если у пленника до казни была жена из местных, то она должна была проливать слезы над убитым, а потом присоединиться ко всеобщему торжеству. Старухи отталкивали одна другую, чтобы поскорее напиться теплой крови, а детям разрешалось погружать в нее ручки. Матери смазывали кровью соски, чтобы и младенцы могли почувствовать ее вкус. Тело разрубалось на части, которые жарились на вертеле, а старухи, которым не терпелось поскорее отведать столь лакомого яства, как человеческая плоть, слизывали капающий с деревянной решетки жир.

На расстоянии десяти тысяч миль к северу почти два столетия спустя миссионеры-иезуиты собственными глазами видели подобный ритуал среди индейцев племени гурунов в Канаде. Жертвой там оказался пленник из племени ирокезов, которого они схватили вместе с четырьмя его друзьями, когда они ловили рыбу на берегу озера Онтарио. Вождь местного племени объяснил членам своего клана, что ритуал, который поручено провести ему, имеет целью умилостивить солнце и бога войны. Главное – не убивать жертву до рассвета, поэтому для начала ему «поджарили» ноги. Кроме того, в ночь накануне казни соплеменникам запрещалось иметь половые сношения. Пленника со связанными руками, то издававшего вопли от боли, то

запевавшего боевую песнь, которую он выучил еще в детстве специально для такого, возможного в будущем, случая, ввели в хижину, где на него набросилась группа индейцев с горящими головешками из древесной коры. Он в ужасе перекатывался из одного угла в другой, а тем временем мучители выламывали ему руки, разбивая кости при помощи простой мускульной силы, прокалывали ему уши острыми палочками. Когда он оказался на грани смерти, вмешался вождь, приказав прекратить пытки, – нельзя убивать его сейчас, иначе он не увидит рассвета, объяснил он. На рассвете несчастного вывели из хижины и заставили подняться на платформу, поставленную на деревянные подмости, чтобы все жители деревни получше видели, что произойдет с ним. Такие подмости возводились специально для подобных ритуалов, так как в те времена еще не существовало пирамид с плоской площадкой наверху для этой цели. Теперь мужчины приступили к пыткам жертвы. Они выжигали ему глаза, прикладывали раскаленные докрасна лезвия топоров к плечам, заталкивали горящие головешки в горло и задний проход. Когда стало ясно, что он вот-вот испустит дух, один из палачей отрубил ему руку, другой – ногу, в то же мгновение третий отсек голову, бросив ее в толпу. Кто-то, поймав ее на лету, отнес ее вождю, которому предстояло после этого организовать «празднество». В тот же день было расчленено и изжарено мертвое тело жертвы. Возвращаясь домой, миссионеры встретили одного индейца, несшего на вертеле полузажаренную руку.

Сделаем здесь небольшую паузу, чтобы обсудить подобные ритуалы, которые обычно объясняют врожденными человеческими инстинктами. Особую тревогу у меня вызывают теории, выдержанные в духе учения Фрейда, о том, что пытки, жертвоприношения и каннибализм – это следствия инстинктивного выражения либо чувства любви, либо агрессии. Например, Эли Саган заявил, что каннибализм – «это основополагающая форма человеческой агрессии», ибо он представляет собой своеобразный компромисс между любовью к жертве, проявляющейся в желании ее съесть, и ее убийством, потому что она вам досаждала. По-видимому, этим можно объяснить, почему иногда к жертвам относятся с невероятной добротой перед началом пыток – просто палачи вновь переживают отношения «любви – ненависти» со своими жертвами. Но такой подход не может объяснить одного: ведь пытки, жертвоприношения пленников не могут иметь места без наличия таковых, а откуда им взяться, если нет войн. Думается, что все теории, объясняющие войны проявлением человеческих инстинктов, не имеют под собой никакого основания и абсолютно бесполезны при объяснении интенсивности межгруппового конфликта, к тому же они весьма опасны, ибо подразумевают, что войны неизбежны. Попытки объяснить, почему вначале пленников балуют, изнеживают, потом подвергают пыткам, приносят в жертву, а потом съедают, в рамках теории конфликтующих универсальных инстинктов любви и ненависти опасны в силу тех же причин. Во-первых, их далеко не всегда балуют, пытают, приносят в жертву, а затем съедают, и любая теория, объясняющая такой «комплекс», должна не только проанализировать, почему это происходит, но также – почему не происходит. Если подобного рода действия являются частью вооруженного конфликта, то их объяснения прежде всего следует искать в военных расходах и полученных при этом выгодах. Захват пленников – это такая операция, успех которой целиком зависит от умения нападающих избежать контрнападений или засад на пути домой с такой нелегкой обузой, как плененные враги. Если группа нападения мала, если ей приходится преодолевать значительные расстояния по территории, где противник способен нанести ответный удар, то можно очень просто расстаться со своей добычей, то есть с пленниками. При таких непредвиденных обстоятельствах можно доставить домой не всего врага целиком, а лишь часть его – для подсчета убитых врагов, что является главным при распределении социальных и материальных привилегий среди тех воинов, которые отличились особой смелостью и отвагой в бою. Отсюда широко распространенный обычай приносить с собой только головы, скальпы, отрубленные пальцы и прочие части тела, а не живого пленника.

Когда пленника доставляют в деревню, то обращение с ним зависит в большей степени от способности его новых хозяев правильно пользоваться рабским трудом. Когда пленников немного и они появляются не так часто, то временное отношение к ним как к «дорогим гостям» не может вызывать особого удивления.

Какие бы двойственные переживания ни существовали в подсознании захватчиков, они отдают себе полный отчет в одном: пленник – это весьма ценное приобретение, ведь за него его нынешние владельцы рисковали собственной шкурой. Однако, как это часто бывает, он не находит способа влиться в новую для него племенную группу, а так как его нельзя отослать обратно, к своим, то принимается решение его убить. Даже пытка обладает своей мрачной экономикой. Если пытки, так сказать, – это способ умереть тысячу раз, то пытки одного несчастного пленника равносильны преданию смерти тысячи врагов. К тому же пытки – это еще и зрелища, развлечения, которые нравились самой широкой аудитории и получали ее полное одобрение с незапамятных времен. Я тем самым не хочу сказать, что человеку присуще получать наслаждение, наблюдая, как избивают, поджигают и расчленяют жертвы. Но вполне в духе человеческой природы особое внимание к необычным зрелищам и звукам, таким, как кровь, хлещущая из раны, громкие вопли или завывания пытаемых жертв, хотя при этом многие из нас в ужасе отворачиваются.

Дело не в том, что мы инстинктивно наслаждаемся, наблюдая за страданиями другого человека, а в том, что мы наделены способностью научиться наслаждаться этим. Осуществление на практике этой скрытой возможности играло важную роль в таких общинах, как племена тупинамба и гуронов. Существовали даже общины, в которых юношей специально обучали проявлять особую жестокость к своим врагам на поле брани. Подобные уроки усваиваются гораздо быстрее, если представить, что с тобой самим произойдет то же самое, что с этим попавшим к тебе в руки человеком. К ценности любого пленника следует добавить его живое тело, которое может стать мишенью для тренирующихся воинов, и даже его труп, так как он поможет обучению неопытных пока врачей. И здесь мы подходим к самому ритуалу убийства – жертвоприношению, чтобы умиловить, задобрить богов, к палачам с их священным и магическим снаряжением, воздержанию от половых сношений и т. д. Для того чтобы все это понять, нужно осознать, что для сельских общин, племен война – это прежде всего ритуальное убийство, вне зависимости от того, где именно враг убит: на поле сражения или дома. Отправляясь на войну, воины расписывают свои тела, украшают себя перьями и кусками ткани, вызывают души предков, принимают галлюциногенные наркотики, чтобы установить контакт со своими духами-хранителями, а также усиливают убойность своего оружия с помощью разных магических заклинаний. Враги, поверженные на поле сражения, – это тоже жертвоприношение, так как их смерть угодна предкам или богам войны, как угодны им пытки и смерть пленника. Наконец, остается проблема каннибализма – вопрос, который, когда его кто-то задает, демонстрирует полное непонимание сути происходящего. Люди могут научиться любить вкус человеческого мяса или же относиться к нему с отвращением, но как можно научить наслаждаться сценами пыток или же приходить от них в ужас? Совершенно очевидно, что существует множество обстоятельств, при которых приобретенный вкус к человеческой плоти может найти свое место в системе мотиваций, подталкивающих общины людей к войне. Более того, съесть труп врага – это означает почерпнуть еще больше сил после его уничтожения. Теперь только требуется объяснить, почему в тех человеческих культурах, где без всяких угрызений убивают врагов, должны воздерживаться от следующего шага – съесть их. Однако это такая загадка, разрешить которую пока нам не под силу.

Если это небольшое отступление в область подсчета военных расходов и объяснений «комплекса» «пытка – жертвоприношение – каннибализм» кажется вам несколько формальным, то позвольте заверить вас, что авторы вовсе не отрицают существования двойственных психологических мотиваций, подобных тем, которые порождает «эдипов комплекс» в мили-

таристских обществах, прославляющих мужское превосходство. Представляется, что война вызывает противоречивые эмоции у участников и означает для них одновременно нечто совершенно различное. Вовсе не отрицается, что каннибализм может выражать одновременно и любовь, и ненависть к жертве, но можно решительно выступить против утверждения, что специфические образцы межгрупповой агрессии можно объяснить какими-то неясными, противоречивыми психическими элементами, смело абстрагируясь при этом от других причин, заставляющих людей воевать друг с другом, и в первую очередь таких, как природные условия, нехватка продуктов питания и белков и инстинкт продолжения рода.

Возвращаясь к рассказу об ацтеках, можно с полным правом сказать, что единственным вкладом их религии в культуру было не введение в религиозный обиход человеческих жертвоприношений, а дальнейшая разработка этого ритуала в разрушительном направлении. Прежде всего, ацтеки трансформировали человеческие жертвоприношения, превратив случайное везение на поле боя в тошнотворную рутину, когда не проходило и дня, чтобы очередную жертву не опрокидывали спиной на жертвенный камень, на алтари таких больших храмов, как храмы Уицилопочтли и Тлалока. Подобные жертвоприношения проводились и в менее крупных храмах, вплоть до небольших часовен. Одна из них – низкое, круглое, с плоской крышей строение около шести метров в диаметре – была обнаружена при прокладке метро в Мехико. Теперь она стоит за стеклом на одной из самых оживленных станций. Для любопытных пассажиров на ней вывешена табличка, на которой указывается, что древние мексиканцы были «очень религиозными людьми». Так как армии ацтеков в тысячи раз превышали боевые отряды таких племен, как уруны или тупинамбе, то, вполне естественно, они могли захватить в плен тысячи вражеских воинов только в ходе одной-единственной битвы. Кроме повседневных жертвоприношений небольшого числа пленников и рабов в стране проводились и массовые расправы над сотнями и даже тысячами жертв для празднования каких-либо особо важных событий. Испанские историки, например, сообщили, что в 1487 году во время освещения большой пирамиды Теночтитлан перед ней на расстоянии двух миль были выстроены в четыре ряда пленники для принесения их в жертву богам. Палачи, выбиваясь из сил, работали день и ночь в течение четырех суток. Демограф и историк Шеберн Кук считал, что если на каждое жертвоприношение уходило по две минуты, то общее число жертв, убитых только во время этого события, равнялось 14 100. Масштабность подобных ритуалов можно было бы считать преувеличенной, если бы не свидетельства Бернала Диаса и Андреса де Тапии, которые собственными глазами видели аккуратно сложенные в кучи тысячи черепов. Их, таким образом, можно было легко подсчитать на площадях ацтекских городов. Диас, например, пишет, что на площади города Ксокотлан «лежали горы человеческих черепов аккуратными рядами, их весьма легко можно было подсчитать, мне кажется, их там было около ста тысяч».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.